

НАРОДНОСТЬ КАК МИФ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛЯКОВ И РОССИЯН

де Лазари Анджей

Лодзинский университет,
Лодзь, Республика Польша
alazari@toya.net.pl

Аннотация. Статья посвящена обсуждению проблемы несоответствия понятий и категорий, бытующих в разных культурах, когда дефиниции, закрепившиеся в сознании культуры автора исследования, переносятся на культуру изучаемую. В центре внимания статьи – понятие народности. Автор задается вопросом, насколько точно это понятие можно перевести на языки других культур, думают ли люди об одном и том же, когда слышат этот термин. В статье сравниваются различные понимания народности в США («People»), Польше («Naród») и России («Народ»). Автор утверждает, что представления о народе в этих трех случаях кардинально различаются, что обусловливается идеями, которые лежат в основе этих понятий, и историей. В статье категория народности анализируется с точки зрения понятий коллективизма и индивидуализма, а также категорий «Мы» и «Я», которые образуют понятие народа. Автор выявляет разницу между русским солидаризмом и идеей солидарности «по-западному», которая состоит в разном соотношении «Мы» и «Я» в основе понимания этих категорий в разных культурах. Разбирается история понятия народности в истории России и русской мысли, а также современное понимание народности в России и в Польше.

Ключевые слова: народность, миф, понятия, Россия, Польша.

Цитирование: де Лазари А. Народность как миф для внутреннего потребления поляков и россиян // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 110–123. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-110-123 / de Lazari A. Nationality as a Myth for the Domestic Consumption of Poles and Russians, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 110–123. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-110-123.

© де Лазари А., 2021

NATIONALITY AS A MYTH FOR THE DOMESTIC CONSUMPTION OF POLES AND RUSSIANS

de Lazari Andrzej

University of Lodz,

Lodz, Republic of Poland

alazari@toya.net.pl

Abstract. The article is devoted to the discussion of the problem of the discrepancy between the concepts and categories of different cultures, when, defining the terms, we use the meanings that are fixed in our of the culture differently than in the culture being studied. The article focuses on the concept of “the People”. The author questions how accurately this concept can be translated into the languages of other cultures, and whether people think about the same categories when they hear this term. The article compares different understandings of this term in the USA (“the People”), Poland (“Naród”) and Russia (“Народ”). The author argues that the understanding of the category “the People” in these three cases is fundamentally different, which is determined by the underlying ideas, and history. The article analyzes the category of “the People” from the point of view of the concepts of collectivism and individualism, as well as the categories “We” and “I”, which form the concept of “the People”. The author reveals the difference between Russian solidarity and the Western idea of solidarity. The article analyzes history of the concept of “the People” in the history of Russia and Russian thought, as well as modern understanding of nationality in Russia and in Poland.

Keywords: nationality, myth, concepts, Russia, Poland.

Приступая в конце прошлого века к созданию русско-польско-английского лексикона «Идеи в России» [Idee w Rosji], я руководствовался мнением, что мы, изучая другие культуры, часто, не сформулировав дефиницию, употребляем понятия и категории, значение которых закрепилось в сознании нашей культуры иначе, чем в культуре изучаемой, или наоборот – делаем кальку понятий, не задумываясь над тем, что в нашей культуре они обозначают что-то другое. Мы ведем разговор, который не является диалогом, так как понимаем лишь себя, забывая о том, что культурная запрограммированность собеседника другая. «Умом Россию не понять» – сказал романтик Федор Тютчев в 1866 г. Мысль Тютчева «поймем» лишь тогда, когда осознаем факт, что русская культура, как правило, иначе понимала категорию разума, что «ум-разум» у Тютчева – это своего рода синоним «Запада» (рационализма, унаследованного от Рима). Переводя мысль Тютчева на языки других культур, следовало бы сказать, что «Западу Россию не понять». В последние годы оказалось, что Западу и Польшу не понять, что-то больно она «русифицируется».

Более литературно этот вопрос объяснил Мариуш Вильк: «Чужеземец, пишущий о России... переводит русскую действительность на свой язык (слово «переводить» употребляю в значении латинского *interpretor* – объясняю, понимаю, решаю). Но ведь эта действительность существует в русском языке – в нем складывалась веками. Некогда слово «язык» обозначало и «язык», и «народ», так как в языке, как нигде более, отражается народ – его дух, быт, жизнь. Два года пришлось мне жить в России, чтобы осознать, что чужеземец не в состоянии понять эту страну, думая и рассуждая о ней на своем родном языке. Наконец я понял, что русскую действительность следует познавать через русский язык – и лишь потом, проживя здесь некоторое время, можно попробовать этот опыт перевести на польский язык. Когда я стал писать о России, заметил, что некоторые русские слова, хотя у них и есть польский эквивалент, говорят о другом опыте, о другом мире. Чем дольше здесь живу, тем лучше чувствую слова-ключи, слова-знаки, слова-мифы, обозначающие гораздо больше самих слов. Вот *картошка*... В Польше – это *kartofel*, один из гарниров, и говорят, что от нее толстеют, и едят все меньше. Зато здесь картошка – это основа еды, ритуал и способ жизни. Весной картошку сажают, летом окучивают, осенью копают, а зимой на картошке зимуют. Ополячить картошку и назвать ее *kartofle* или *ziemniaki* – это лишить ее всего магического и живительного смысла... Даже больше – это переводить саму действительность (в значении латинского *transfero*), значит... терять ее в процессе перевода» [Wilk, 1998, p. 202]¹.

Другой пример. Категория «демократии» в западных культурах тесно связана с «политической свободой» и либерализмом. На Западе ее воспринимают как положительную ценность. По-другому в России. Там «демократию» противопоставляют, например, «аристократии», из сферы политики переносят ее в социальную действительность и говорят, например, о «революционных демократах» (противопоставляя

¹ Интересна «интерпретация» Вильком тютчевской мысли: «*Rozumem Rosji nie pojąć / I naszą skalą nie zmierzyć. / Rosja to inny wymiar – / Rosję należy przeżyć* (Умом Россию не понять, / И нашей меркой не измерить: / У ней особенная статья – / **Россию надо пережить**)» (перевод автора).

их либералам). Мы делаем кальку этого бессмысленного у нас понятия и говорим о нем всерьез, забывая, что в нашем понимании мира «демократия» и «революция» не совместимы, как и не совместимы «демократия» и «нигилизм» [Идеи в России..., 2001, р. 2].

С «народностью» проблем в переводе не меньше. Когда 15 ноября 1989 г. Лех Валенса начал свое выступление перед Конгрессом США словами «My, Naród» и переводчик передал их как «We the People» — слова, с которых начинается американская Конституция, конгрессмены устроили Валенсе овацию. Думали ли они тогда о том же, что и он? Разве «My, Naród» председателя польской Солидарности с Матерью Божьей в лацкане пиджака то же самое, что «We the People» американцев? О каком «народе» могли думать многонациональные жители США, когда в 80-е гг. XVIII в. утверждали свою конституцию? «Идеи к философии истории человечества» Гердера, дающие основу романтическому пониманию «этнического народа» и национализма, создавались в тот же период, однако это не немецкая мысль, а просвещенческая, французская гражданская мысль сформировала мировоззрение создателей этой Конституции, и ее символом стала подаренная французами американцам сто лет спустя Статуя Свободы. Кто должен был быть свободным? — Каждый человек, каждый гражданин. Получается, что «We the People of the United States» — это «Мы, люди [граждане] Соединенных Штатов», все вместе и каждый в отдельности. Такое понимание «народа» лишь в 1997 г. предложили полякам создатели нашей теперешней Конституции: «Мы, польский народ — все граждане Речи Посполитой», независимо от этнического происхождения, «народности», вероисповедания. Сегодня Валенса, будучи в оппозиции, поддерживает такое понимание «польского народа», в отличие от правящих идеологов, которые из своего националистического проекта основного закона государства выбросили слова «все граждане Речи Посполитой» [Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej...]. В 1989 г. Валенса не обладал еще «гражданским сознанием». Тогда ему, как и большинству поляков, столетиями боровшихся за независимость своей родины, родным казалось романтическое понимание «народа» как нации-этноса. Свободным от советского коммунизма должен был стать «польский народ», а не каждый гражданин в отдельности. К сожалению, сегодня в польской государственной политике, да и в сознании большинства жителей Польши такое националистическое понимание «народа» и «народности» все еще преобладает, несмотря на факт, что демонстрации оппозиции, как правило, начинаются с чтения преамбулы к Конституции со слов: «Мы, **польский народ — все граждане** Речи Посполитой». Почти каждый день слышишь о проявлениях гомофобии, о том, что обидели или даже избили кого-нибудь за цвет кожи, разговор не на польском языке или за «неправильную» гендерную идентичность.

В России дело выглядит гораздо сложнее. Во-первых, потому что она, как и США, многонациональная страна. Во-вторых, что в отличие от США, куда эмигранты приезжали в основном по собственной воле, ища лучшей жизни, многие жители России становились россиянами насильственно. В-третьих, по той причине, что категории

народа и народности пришли в Россию, как и в Польшу, из немецкого романтизма, а не из гражданской Франции. В-четвертых, и это, быть может, самое важное, Евро-союз и США отличает от России отношение к индивидуализму и к коллективизму (как бы мы его ни называли: народом, классом или соборностью). Защищая в 2007 году «гонор» и индивидуализм польского «пана», я доказывал, что на русское «Мы» в России работали поколения [де Лазари, 2007]. Алексей Хомяков, противопоставляя свой идеал западному мышлению, писал: «В Европе [...] не допускают ничего истинно-общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола» [Хомяков]. Вся борьба за «народность», начатая в русской мысли в эпоху романтизма, привела в конце концов к полному поглощению индивида в Мы – советском народе. Когда Замятин создавал свою антиутопию, советское Мы еще не образовалось, но уже «носилось в воздухе». Ведь богоискатель Максим Горький говорил, что все несчастья начались от того, что «первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа [...] и сжалась от страха перед одиночеством и бессилием своим [...] Вот это самое «я» и есть злейший враг человека!» [Горький]. И коммунизм уничтожил этого «врага», чтобы получилось, как в «Катехизисе революционера» Нечаева: «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени» [Нечаев]. Сегодня Виктор Ерофеев констатирует: «Напрасно думать, будто наше “мы” состоит из сложения самозначимых “я”. Русское “я” как элемент не жизнестойко и обретается исключительно в семейственной молекуле. Выходит, не “я” формирует идею “мы”, но “мы” манифестно и речетворно. “Мы” плодит убудочных “я”, как мелкую картошку. [...] На “мы” можно гавкать, как Замятин, над “мы” можно хихикать, как Олеша, но “мы” имеет самодержавное качество, известное под именем “народ”. [...] Слово “народ” зацементировало народ на века» [Ерофеев, 2002, с. 15–16]. И сам В.В. Путин противопоставил западное «Я» русскому «Мы», представляя свою политическую программу в докладе «Россия на рубеже тысячелетий» [Путин, 1999]. Индивидуализм и либеральные ценности, – говорит он, – имеют глубокие исторические традиции в США и в Англии, в России же преобладает коллективизм, «глубоко укоренены патерналистские настроения» и не индивид, а «государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа» [Путин, 1999]. То же самое он повторил в июне 2013 г. на встрече с руководством и корреспондентами телеканала *Russia Today*, противопоставляя Россию США: «В основе американского самосознания лежит индивидуалистическая идея. В основе российского – коллективистская» [Посещение телеканала *Russia Today*].

Путин здесь прав. Вся история Запада с эпохи Просвещения до сегодняшнего дня – это стремление дать свободу каждой человеческой личности, каждому Я. В упомянутой статье «В защиту польского гонора» я писал, что в 1980-е гг. многим полякам казалось, что, в отличие от россиян, они постигли суть и ценности «западного» достойного Я. В своем знаменитом эссе «Этика солидарности» польский философ, ксендз Юзеф Тишнер говорит о солидарности как об этическом движении. Солидарность не является для него ни понятием, ни готовой этической теорией. Это идея, и как таковая однозначного определения она никогда не получает. Не всякое

Мы, – говорит Тишнер, – является солидарностью. Подлинная солидарность – это солидарность совестей. С человеком без совести можно ехать в одном вагоне поезда, сидеть за одним столом, читать те же книги, но это еще не солидарность. Суть солидарности в пробуждении чувства сострадания, братства со страдающим человеком. Солидарность – особая межчеловеческая связь: люди объединяются, чтобы заботиться о том, кто в заботе нуждается. Я с тобой, Ты со мной, Мы вместе для него. Но **все начинается с Я** и совести. **Мы вторично. Мы – это Я и Ты в диалоге**» [Tischner, 1981].

Может показаться, что и среди русских мыслителей были те, кто в какой-то степени даже предвосхитил суждения Тишнера о солидарном Мы. Это представители существующего с 1930 г. в эмиграции Народно-трудового союза российских солидаристов. Семен Франк писал: «Я никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении к ты – как немислимо левое вне правого, верхнее вне нижнего и т.п. [...] Мы совсем не есть просто множественное число от я (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих я. В своем основном и первичном смысле я [...] вообще не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и неповторимо. [...] Поэтому мы есть не множественное число первого лица, не многие я, а множественное число как единство первого и второго лица, как единство я и ты (вы). В этом – замечательная особенность категории мы. [...] Правда, эмпирически мы всегда ограничено: всякому мы, будь то семья, сословие, нация, государство, церковь, противостоит нечто иное, в него не включенное и ему противостоящее, – какие-то вы и они. Но вместе с тем мы в ином, высшем соединении может охватить и включить в себя всех вы и они – принципиально все сущее; в высшем, абсолютном смысле не только все люди, но всё сущее вообще как бы предназначено стать соучастником всеобъемлющего мы и потому потенциально есть часть мы. Если я могу сказать мы про узкое единство моей семьи, партии, группы, то я могу вместе с тем сказать мы, люди или даже мы, тварные существа. **Мы есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия**» [Франк].

Здесь основная разница между русским солидаризмом и идеей солидарности «по-западному» в толковании Тишнера, для которого солидарное Мы не первично, а вторично, и даже не по отношению к Я и Ты, а по отношению к для него. Сперва – раненый и его крик, потом – отзывается совесть, сумевшая услышать и понять этот крик, и только тогда рождается община. Персонализм, человеческое достоинство здесь на первом плане, на втором – диалог, на третьем – солидарное Мы. Для коллективизма, как бы его ни назвать, здесь вообще нет места.

Формулируя этику солидарности, Тишнер предполагал, что ей не нужен враг. Десять лет спустя, когда началась польско-польская война националистов с либералами, он осознал свою ошибку: «Надо ясно сказать: этика солидарности уже не в состоянии охватить и разъяснить все вырисовывающиеся конфликты. Ибо что говорила эта этика? Она говорила, что нам надо быть вместе, действовать без применения силы, что этика должна стоять выше политики. Все это было ясно, когда был враг [...] Когда враг исчез, наше вместе расплзлось [...] Ларек коммунизма развалился.

Но толпа перед ларьком пока еще стоит. Что сделать, чтобы эта толпа стала обществом, чувствующим свое национальное достоинство? В этом направлении сделано уже немало. Но следует сделать еще кое-что. Следует вернуться к простейшему опыту – уважению Человека» [Тишнер, 1990].

В то время мне казалось, что в Польше, благодаря таким людям, как Тишнер, книга «Польша и Европа» может быть лишь дорожным атласом, где союз «и» соединяет, а не противопоставляет, как в «России и Европе» Данилевского, но скоро пришло сомнение. В 2004 г., еще до принятия Польши в Евросоюз, я задумывался: «чем страшна Европа польским и русским “славянам”?, «какими европейцы хотели бы нас (русских, поляков) видеть?». И на вопрос: «в чем суть Европы?», я отвечал: «в достойном Я против тоталитарного Мы» [де Лазари, 2004]. Теперь я полон сомнений. Польская власть, как и российская, широко открыла ворота националистическому «мы» и разделила общество на «патриотический народ» и якобы непатриотических европейцев, две половины, презирующие друг друга. Двадцать лет тому назад я утверждал, что Россия, все еще столь дорожа «народностью», а не отдельной личностью, до сих пор «не вышла из романтизма» [де Лазари, 2000, с. 195]. Теперь я вижу, что и большая часть поляков также «не вышла». Правда, в польских словарях литературных терминов, как и в западных, в отличие от русских, пока «народность» отсутствует, скомпрометированная фашистским «völkisch», но при теперешних наших министрах культуры и просвещения эта ситуация вскоре может резко измениться.

В русской истории, насколько известно, понятие «народность» впервые прозвучало в письме из Варшавы Петра Вяземского к Александру Тургеневу (от 22 ноября 1819 г.) [Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819] и надолго стало основой литературных и идеологических прений. В 1832 г. Сергей Уваров признал «народность» одной из основополагающих категорий русскости/российскости и поместил ее в известную формулу: «православие, самодержавие, народность». Для славянофилов народность постигалась как личность народа, которую выражал «простой народ», в отличие от потерявших якобы национальный облик дворянства и интеллигенции. Для них «простой народ, точно, есть ПРОСТО НАРОД, или народ собственно» [Аксаков, 1857]. Федор Достоевский же, определяя направление журнала «Время» в 1861 г., спрашивал: «Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, “образованные”, уж и не русский народ?» [Достоевский, 1979, с. 14].

Кроме официальной мысли (напр. С. Уваров), «огосударствление» народа было свойственно последователям «юридического» просвещенческого мировоззрения (напр., Борису Чичерину). Отход от идеи народа-государства в направлении народ-культуры характеризовал русских романтиков. Позже народ-культура и народ-государство объединялись панславизмом, евразийством, советской идеологией («идейность, партийность, народность»), а сегодня – идеологией российского государства. Идея «народа» свободных граждан по принципу чужда официальной

российской мысли, и россияне, как и Валенса в 1989 г. и большинство поляков, вряд ли отдадут себе отчет, что слово «народ» в «Мы, народ Соединенных Штатов» не означает того же, что в «Мы, многонациональный народ Российской Федерации».

Эскиз понимания «народности» в России и в Польше я представил своим российским коллегам в 2011 г. в статье «Категории народности и идентичности в русской и польской мысли» [де Лазари, 2011, с. 38–42]. Тогда мне все еще казалось, что для большинства поляков, как и для всего современного «цивилизованного мира», важнейшей ценностью окончательно стал конкретный человек-гражданин со всеми своими пороками, достоинствами, болячками и злонамеренностями, а важнейшим институтом, регулирующим межчеловеческие отношения, стало **ПРАВО**. Не важен цвет твоей кожи, твоя народность/национальность, общественная принадлежность, сексуальная ориентация, имущество, вероисповедание – существенно лишь то, поступаешь ли ты согласно праву, установленному общностью, к которой принадлежишь. Своего рода парадоксом был для меня факт, что в Евросоюзе демократическое право заменило церковь в осуществлении человеческой мечты о всеединстве – «соборности». Вместо того, чтобы искать единого Бога, европейцы нашли единое право, и благодаря ему в Европе создается разумная действительность, в которой полифония культур не только возможна – она становится просто необходимостью, поддерживаемой по идее. «Инаковость», одобряющая право, стала ценностью на уровне «нашестьи», ее уважают и ценят.

Тогда все еще мне казалось, что и россияне стремятся к такому же либеральному пониманию ценности отдельного человека-гражданина и верховенства Права. В своих ожиданиях я опирался на слова Путина, произнесенные, когда он пришел к власти: «Диктатура закона – это единственный вид диктатуры, к которой мы обязаны стремиться» (31 января 2000 г.) [На все запросы отвечает Путин], – и с надеждой переводил на польский «Русский апокалипсис» Виктора Ерофеева с фрагментом из «Веселого ада»: «Что хорошего сделал Путин за восемь лет своего правления? Куда идет Медведев? Я бы, не задумываясь, ответил: при них Россия получила уникальную возможность жить свободной частной жизнью. При этом я не считаю, что Путин сознательно поставил своей целью развитие частной жизни. Скорее всего, частная жизнь, как курица из рук гонящегося за ней с ножом сельского хозяина, вырвалась из ежовых рукавиц русского государства и с перепуганным кудахтаньем спряталась где-то в кустах. [...] Частная жизнь России – это ее спасение. Через нее, через постепенное развитие семейных ценностей, она может выйти к просвещению и модернизации, оказаться в сообществе демократических стран» [Ерофеев]¹.

¹ Эта статья Виктора Ерофеева является предисловием к польскому изданию его *Русского апокалипсиса* в моем переводе (Jerofiejew W. *Rosyjska apokalipsa: Próba eschatologii artystycznej* / przekład A. de Lazari. Warszawa, 2008).

Все мои «модернистские», «западные» и «европейские» надежды, к сожалению, рухнули — как по отношению к польской, так и российской действительности. В Польше, в которой «при коммунизме» не удалось создать колхозы, благодаря хозяйственному индивидуализму польского мужика и «гону» польского «пана», теперь все становится «народным/национальным». Польша, наподобие России, превращается в осажденную крепость. Кругом — одни враги. Внешние: с востока — Россия и Белорусия, с запада — Германия и Евросоюз, с юга — Чехия, требующая закрытия карьера в Турове [Чешско-польский спор...]; и внутренние, наиболее опасные: либералы, мигранты, геи и лесбиянки. Враги посягают на польскую независимость и польскую «народность» (культуру, традицию, католицизм). Для правящих политиков «независимость» польского «мы-этноса-государства» от права и ценностей Евросоюза стала важнее человеческих прав отдельного гражданина. «Мы разочаровали Запад и в чем-то самих себя, оказавшись “другими”, не такими, какими бы европейцы хотели нас видеть». Эти слова из «Энциклопедии русской души» Виктора Ерофеева сегодня вполне подходят и к польскому «народу».

В 2014 г. Российское Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики». Основной тезис документа: «Россия — это не Европа». Отсюда и выводы: «сохранение единого культурного кода требует отказа от государственной поддержки культурных проектов, навязывающих чуждые обществу ценностные нормы» [Минкультуры изложило...]. Такую же политику начали вести и польские министры и «правые» политики. Министр просвещения утверждает, что Евросоюз стал якобы противозаконным, произвольным, и об этом надо говорить учащейся молодежи [Под польским соусом], что моральный уровень в Европе «хуже, чем в СССР» [Скандальный министр образования Польши...]. Для президента Польши ЕС — «это воображаемое сообщество, которое мало что нам дает» [Взгляд на Европу из Польши]. «Авторитетный» депутат Марек Суски говорит, что «Польша воевала во время Второй мировой войны с одним оккупантом, она боролась против советского оккупанта, будем бороться и с брюссельским оккупантом» [В Польше сравнили...].

Кому нужна «народность», кому нужно коллективное «Мы-этнос-народ-государство» вместо гражданской солидарности отдельных человеческих «Я» наподобие европейского сообщества? Во-первых — «самодержавным» политикам: в Польше — Качинскому, в Венгрии — Орбану, в Турции — Эрдогану, в России — Путину; во-вторых, всяким националистическим группировкам, которые, к сожалению, становятся из года в год все сильнее в Европе [Europe and right-wing nationalism...].

По мнению политолога Игоря Юргенса, «большая группа влияния пытается толкнуть Путина на курс “православие — самодержавие — народность”» [Политологи о Путине]. Интересно, что Путин, утверждая в статье «Об историческом единстве русских и украинцев», что «русские и украинцы — один народ, единое целое», одновременно ссылается на опыт сожительства западных граждан: «Так посмотрите, как живут рядом друг с другом Австрия и Германия, США и Канада. Близкие по этническому составу, культуре, фактически с одним языком, они при этом остаются суверенными государствами, со своими интересами, со своей внешней политикой. Но это не

мешает их самой тесной интеграции или союзническим отношениям. У них весьма условные, прозрачные границы. И граждане, пересекая их, чувствуют себя как дома» [Путин]. Забывает он при этом, что в этих странах, а также во многих других, не близких друг другу «по этническому составу, культуре» и не «с одним языком», это не этносы, а граждане разных «народностей» и вероисповеданий сожительствуют друг с другом, так как они создали гражданские общества, в которых «нет ни эллина, ни иудея».

Может кому-то показаться, что европейское сообщество – это наподобие Российской Конституции: «Мы, многонациональный народ Европейского Союза», – но это в принципе не так. Правовой основой создания Евросоюза и его законов является *Всеобщая декларация прав человека*, безапелляционно утверждающая, что «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [Всеобщая декларация прав человека]. Это «декларация прав человека», а не «прав народа». Каждый гражданин государства, вступающего в Евросоюз, становится одновременно гражданином Евросоюза – со всеми правами членства. Каждое государство, присоединяющееся к Сообществу, должно было построить свой «мост» к его законам, благодаря чему каждый «национальный» судья станет одновременно независимым от власти «своего» государства судьей всего Евросоюза.

Для гражданского общества, по идее, «народность», как и вероисповедание, половая идентичность, пристрастие к пиву, вину или к водке являются личными чертами человека. В государствах, в которых самой большой ценностью являются его права, независимо от его происхождения, мировоззрения и «идентичности», границы «национальные» не нужны; но конец истории национализма еще не наступил, миф «народности» остается «вечно жив», и не скоро придет время «модернизма», когда польскую Конституцию откроют слова: «Мы – граждане Речи Посполитой», российскую: «Мы – граждане Российской Федерации», а европейскую, если когда-нибудь удастся ее создать: «Мы – граждане Европейского Союза». Давайте оставаться все-таки с надеждой, что это сбудется.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К.С. Москва, 8 июня // *Молва*. 1857. № 9. С. 97–98.

В Польше сравнили Евросоюз с Третьим Рейхом и СССР. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/09/09/n_16508918.shtml (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Взгляд на Европу из Польши. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/polony-a-ve-avrupa-adriana-rozwadowska> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Горький М. Исповедь. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/ispoved/ispoved-10.htm> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград, 1972–1990. Публицистика. Письма. Т. 19: Статьи и заметки 1861. Л.: Ленингр. отделение, 1979. 359 с.

Ерофеев В. Веселый ад. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/470774.html> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Ерофеев В. Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией. М.: Подкова, 2002. 319 с.

Идеи в России. *Idee w Rosji. Ideas in Russia: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Под ред. А. De Lazari. Lodz: Ibidem, 2001. 672 р.

де Лазари А. В защиту польского гонора // *Индекс/Досье на цензуру*. 2007. № 25. URL: <http://index.org.ru/journal/25/lazz25.html> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2000. 205 с.

де Лазари А. Категории народности и идентичности в русской и польской мысли // *Политическая лингвистика*. 2011. № 2(36). С. 38–42.

де Лазари А. Чем страшна Европа польским и русским „славянам”? (замечания на полях Энциклопедии русской души. Романа с энциклопедией Виктора Ерофеева) // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. М.: Индрик, 2004. С. 74–79.

Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики». URL: <https://iz.ru/news/569016> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

На все запросы отвечает Путин. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/16506> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Нечаев С.Г. Катехизис революционера. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievsky1_oldorfo.shtml (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Под польским соусом. URL: <https://rg.ru/2021/05/23/v-polshe-reformiruiut-sistemu-obrazovaniia.html> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Политологи о Путине. URL: <https://www.interfax.ru/russia/269540> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Посещение телеканала Russia Today (11.06.2013). URL: <http://www.kremlin.ru/news/18319> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Путин В. Россия на рубеже тысячелетий. «Независимая газета» (30.12.1999). URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Скандальный министр образования Польши заявил, что в ЕС с моралью «хуже, чем в СССР». URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/11/27/7117019/> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Тишнер Ю. В тени коммунистических ларьков: Этика солидарности сегодня. Пер. Н. Горбаневской // *Русская мысль*. 1990. 14/IX.

Франк С. «Я» и «Мы». Духовные основы общества. Введение в социальную философию. URL: <https://philosophica.ru/frank/13.htm> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Хомяков А.С. О сельской общине. URL: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_1845_o_selskoj_obschine.shtml (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Чешско-польский спор по угольному разрезу Туров – жалоба будет отозвана после договоренности о компенсациях. URL: <https://ruski.radio.cz/cheshsko-polskiy-spor-po-ugolnomu-razrezu-turov-zhaloba-budet-otozvana-posle-8719820> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Europe and right-wing nationalism: A country-by-country guide. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-36130006> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Idee w Rosji. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Idee_w_Rosji (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Projekt Prawa i Sprawiedliwości. Styczeń, 2010. URL: <http://niezniknelo.com/konstytucjaPiS2010.pdf> (дата обращения – 25 ноября 2021 г.).

Tischner J. *Etyka solidarności*. Kraków: ZNAK, 1981. 104 p.

Wilk M. *Wilczy notes*. Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 1998. 250 p.

REFERENCES

Aksakov K.S. Moskva, 8 iyunya [Moscow, June 8], in *Molva*. 1857. No. 9. Pp. 97–98 (in Russian).

V Pol'she sravnili Evrosoyuz s Tret'im Rejhom i SSSR [Poland compared the European Union with the Third Reich and the USSR]. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/09/09/n_16508918.shtml (accessed 25 November 2021).

Vzglyad na Evropu iz Pol'shi [A look at Europe from Poland]. Available at: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/polonya-ve-avrupa-adriana-rozwadowska> (accessed 25 November 2021).

Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka [The Universal Declaration of Human Rights]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 25 November 2021).

Gor'kij M. *Ispoved'* [Confession]. Available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/ispoved/ispoved-10.htm> (accessed 25 November 2021).

Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah. Leningrad, 1972–1990. Publicistika. Pis'ma. T. 19: Stat'i i zametki 1861* [The complete works in thirty volumes.

- Leningrad, 1972–1990. Journalism. Letters. Vol. 19: Articles and notes 1861]. Leningrad: Leningr. department, 1979. 359 p. (in Russian).
- Erofeev V. *Veselyj ad* [Merry Hell]. Available at: <http://www.svoboda.org/content/article/470774.html> (accessed 25 November 2021).
- Erofeev V. *Enciklopediya russoj dushi. Roman s enciklopediej* [Encyclopedia of the Russian soul. A novel with an encyclopedia]. Moscow: Podkova, 2002. 319 p. (in Russian).
- Idee w Rosji. Ideas in Russia: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Ed. by A. De Lazari. Lodz: Ibidem, 2001. 672 p.
- de Lazari A. V zashchitu pol'skogo gonora [In defense of the Polish honor], in *Indeks/Dos'ë na cenzuru* [Index/Dossier on censorship]. 2007. No. 25. Available at: <http://index.org.ru/journal/25/lazz25.html> (accessed 25 November 2021).
- de Lazari A. *V krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo* [In the circle of Fyodor Dostoevsky. Soil science]. Moscow: Nauka, 2000. 205 p. (in Russian).
- de Lazari A. Kategorii narodnosti i identichnosti v russoj i pol'skoj mysli [Categories of nationality and identity in Russian and Polish thought], in *Politicheskaya lingvistika*. 2011. No. 2(36). Pp. 38–42 (accessed 25 November 2021).
- de Lazari A. Chem strashna Evropa pol'skim i russokim "slavyanam"? (zamechaniya na polyah Enciklopedii russoj dushi. Romana s enciklopediej Viktora Erofeeva) [What is Europe terrible for Polish and Russian "Slavs"? (remarks on the margins of the Encyclopedia of the Russian Soul. A novel with an encyclopedia by Viktor Yerofeyev)], in *Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii* [The Myth of Europe in the literature and culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik, 2004. Pp. 74–79 (in Russian).
- Minkul'tury izlozhilo "Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki"* [The Ministry of Culture outlined the "Fundamentals of the state cultural policy"]. Available at: <https://iz.ru/news/569016> (accessed 25 November 2021).
- Na vse zaprosy otvechaet Putin* [Putin responds to all requests]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/16506> (accessed 25 November 2021).
- Nechaev S.G. *Katekhizis revolyucionera* [The Catechism of the revolutionary]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/nechaev.htm> (accessed 25 November 2021).
- Perepiska knyazya P.A. Vyazemskogo s A.I. Turgenyem. 1812–1819* [Correspondence of Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev. 1812–1819]. Available at: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievsky1_olderfo.shtml (accessed 25 November 2021).
- Pod pol'skim sousom* [With Polish sauce]. Available at: <https://rg.ru/2021/05/23/v-polshe-reformiruiut-sistemu-obrazovaniia.html> (accessed 25 November 2021).
- Politologi o Putine* [Political scientists about Putin]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/269540> (accessed 25 November 2021).
- Poseshchenie telekanala Russia Today* (11.06.2013) [Visit to Russia Today TV channel (11.06.2013)]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/18319> (accessed 25 November 2021).

Putin V. *Ob istoricheskom edinstve russkih i ukraincev* [About the historical unity of Russians and Ukrainians]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (accessed 25 November 2021).

Putin V. *Rossiya na rubezhe tysyacheletij. "Nezavisimaya gazeta" (30.12.1999)* [Russia at the turn of the millennium. *Nezavisimaya Gazeta* (30.12.1999)]. Available at: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (accessed 25 November 2021).

Skandal'nyj ministr obrazovaniya Pol'shi zayavil, chto v ES s moral'yu "huzhe, chem v SSSR" [The scandalous Polish education minister said that the EU's morale is "worse than in the USSR"]. Available at: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/11/27/7117019/> (accessed 25 November 2021).

Tishner Yu. *V teni kommunisticheskikh lar'kov: Etika solidarnosti segodnya* [In the Shadow of Communist Stalls: Ethics of Solidarity Today]. Per. N. Gorbanevskoj, in *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1990. 14/IX (in Russian).

Frank S. *"YA" i "MY". Duhovnye osnovy obshchestva. Vvedenie v social'nyu filosofiyu* ["I" and "WE". The spiritual foundations of society. Introduction to Social Philosophy]. Available at: <https://philosophica.ru/frank/13.htm> (accessed 25 November 2021).

Homyakov A.S. *O sel'skoj obshchine* [About the rural community]. Available at: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_1845_o_selskoj_obschine.shtml (accessed 25 November 2021).

Cheshsko-pol'skij spor po ugol'nomu razrezu Turov – zhaloba budet otozvana posle dogovorennosti o kompensacijah [Czech-Polish dispute over the Turov coal mine – the complaint will be withdrawn after an agreement on compensation]. Available at: <https://ruski.radio.cz/cheshsko-pol'skij-spor-po-ugolnomu-razrezu-turov-zhaloba-budet-otozvana-posle-8719820> (accessed 25 November 2021).

Europe and right-wing nationalism: A country-by-country guide. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-36130006> (accessed 25 November 2021).

Idee w Rosji [Ideas in Russia]. Available at: https://pl.wikipedia.org/wiki/Idee_w_Rosji (accessed 25 November 2021).

Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Projekt Prawa i Sprawiedliwości [The Constitution Of The Republic Of Poland. The law and Justice Project]. January, 2010. Available at: <http://niezniknelo.com/konstytucjaPiS2010.pdf> (accessed 25 November 2021).

Tischner J. *Etyka solidarności* [Ethics of solidarity]. Krakow: ZNAK, 1981. 190 p.

Wilk M. *Wilczy notes*. Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 1998. 250 p.

Статья принята к публикации 30.11.2021